

Суворкина Е.Н.

МОРФОЛОГИЯ СУБКУЛЬТУРЫ ДЕТСТВА

Suvorkina E.N.

MORPHOLOGY OF CHILDHOOD'S SUBCULTURE

Ключевые слова: детство, субкультура детства, морфология культуры, морфология субкультуры детства, обыденный уровень, специализированный уровень, горизонтальная структура, вертикальная структура.

Keywords: childhood, subculture of childhood, morphology of culture, morphology of childhood's subculture, everyday level, specialized level, horizontal structure, vertical structure.

Аннотация: в статье рассматриваются две морфологические модели субкультуры детства. В первой выделяются обыденный и специализированный уровни (двухуровневая модель). Вторая - основывается на построении горизонтального и вертикального уровней, что в значительной степени структурирует и облегчает анализ детской субкультуры в целом.

Abstract: in the article two morphological models of the childhood's subculture are considered. Ordinary and specialized levels are distinguished in the two-level model. The second model is based on horizontal and vertical levels that substantially structures and facilitates the analysis of children's subculture as a whole.

Субкультуру детства можно рассматривать как автономную реальность детства, репрезентующую его специфику, как социокультурный феномен с гносеологической, типологической, онтологической, морфологической позиций. Особенно интересен анализ морфологии данного феномена, представляющего собой сложную диссипативную систему, характеризующуюся открытостью, неравновесностью, нелинейностью, испытывающую мощное воздействие внешней среды, что во многом обуславливает ускорение и усложнение эволюционных процессов всех ее элементов.

Для удобства анализа необходимо рассмотреть две морфологические модели субкультуры детства. Первая основана на методологическом подходе, предложенном профессором В.Г. Ерохиным, который в едином культурном пространстве выделяет горизонтальный и вертикальный уровни культуры¹.

Вертикальная структура мира культуры, по мнению В.Г. Ерохина, это «одновременное существование в целостной системе культуры многих уровней, связанных с деятельностью различных субъектов»². Она имеет различное строение. В рамках рассмотрения первого варианта в субкультуре детства вертикальная структура может выстраиваться от отдельной личности (ребенок) до детского общественного объединения (Ребенок – Детская группа – Детский коллектив – Детское общественное объединение (Детское социальное движение)). Второй вариант - как иерархия отношений, взаимодействий ребенка с окружающим миром, которая имеет место в прошлом, настоящем и будущем.

Под горизонтальной структурой понимается «совокупность устойчивых связей отдельных элементов культуры, образующих некоторые, относительно постоянные и целостные функциональные комплексы»³.

К таким компонентам В.Г. Ерохин относит: технику, науку, искусство, мораль, религию,

¹ Ерохин, В.Г. Теория культуры. - Рязань: РГПУ, 1996. – С. 76, 88.

² Там же. - С. 76.

³ Там же. - С. 88.

миф и философию. На первый взгляд кажется, что ни один из перечисленных элементов не может быть включен в структуру субкультуры детства, поскольку ребенок (традиционно мы рассматриваем верхнюю границу детства – 12 лет) не имеет такого высокого уровня знания и самосознания, который характеризовался бы данными понятиями и категориями.

Однако, это не так, что становится совершенно очевидным, если мы обращаемся к анализу второй морфологической модели субкультуры детства, которая также базируется на уровне подходе. Здесь можно выделить обыденный и специализированный уровни, по аналогии с концепциями Э.А. Орловой¹, А.Я. Флиера², относящими данный подход к культуре в целом.

В социальной психологии детства В.В. Абраменковой была предложена упрощенная интерпретация дефиниции «субкультура детства» - «все, что создано человеческим обществом для детей и детьми»³. Если применить терминологию из культурологического понятийного аппарата, то можно сформулировать следующий вывод: все то, что производится взрослыми для детей, образует специализированный уровень субкультуры детства; все то, что создается самими детьми, а также перерабатывается ими (данному процессу могут подлежать элементы взрослой культуры, но утратившие актуальность, значимость, востребованность), формирует обыденный уровень (практику). Таким образом, в структуре субкультуры детства можно выделить обыденный и специализированный уровни.

Необходимо подчеркнуть, что содержательный аспект и специфика обыденной практики субкультуры детства рассматривались рядом ученых. К данному вопросу в своих исследованиях обращались:

¹ Орлова, Э.А. Морфология культуры // Культурология. XX век. Словарь. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 293.

² Флиер, А.Я. Культурология для культурологов. – М.; Екатеринбург: Академический проект: Деловая книга, 2002. – С. 134-137.

³ Абраменкова, В.В. Социальная психология детства. – М.: ПЕР СЭ, 2008. – С. 109.

В.В. Абраменкова⁴; М.В. Осорина⁵; Е.Е. Сапогова⁶; Н.В. Иванова⁷; В.А. Зебзеева⁸; В. Кудрявцев, Т. Алиева и Г.К. Уразалиева⁹; Н.А. Шкуричева¹⁰; Т.Д. Попкова и Б.В. Кондаков¹¹.

В частности, В.В. Абраменкова¹² в состав обыденной практики детства включает следующие элементы: традиционные народные игры, детский фольклор, детский правовой кодекс, детский юмор, детскую магию и мифотворчество, детское философствование, детское словотворчество, эстетические представления детей, наделение прозвищами, религиозные представления¹³.

Так, В.В. Абраменкова большое внимание уделяет такому элементу как «традиционные народные игры», с чем

⁴ Абраменкова, В.В. Социальная психология детства. – М.: ПЕР СЭ, 2008. – 431 с.

⁵ Осорина, М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2010. – 368 с.

⁶ Сапогова, Е.Е. Культурный социогенез и мир детства. – М.: Академический Проект, 2004. – 496 с.

⁷ Иванова, Н.В. О детской субкультуре // Дошкольное воспитание. – 2004. – №4. – С. 34-37; Иванова Н.В. Особенности и значение детской субкультуры // Педагогика. – 2005. – №7. – С. 31-36.

⁸ Зебзеева, В.А. Экологическая субкультура детства // Начальная школа. – 2008. – №6. – С. 49-52; Зебзеева В.А. Эколого-субкультурные практики детей дошкольного возраста // Начальная школа плюс до и после. – 2011. – №7. – С. 3-7.

⁹ Кудрявцев, В., Алиева Т. Еще раз о природе детской субкультуры // Дошкольное воспитание. – 1997. – № 3. – С. 87-91; Кудрявцев, В., Алиева, Т. Еще раз о природе детской субкультуры // Дошкольное воспитание. – 1997. – № 4. – С. 64-68; Кудрявцев, В.Т., Уразалиева, Г.К. Социальный и психологический смысл явлений детской субкультуры // Журнал прикладной психологии. – 1999. – №1. – С. 64-78; Алиева, Т. Ребенок в детско-взрослых общностях: реконструкция смысла поведения // Дошкольное воспитание. – 2008. – №10. – С. 28-31.

¹⁰ Шкуричева, Н.А. Субкультуры в социальном опыте младших школьников // Начальная школа. – 2011. – №7. – С. 18-23; Шкуричева, Н.А. Прозвища и клички младших школьников // Начальная школа. – 2013. – №10. – С. 10-15.

¹¹ Попкова, Т.Д., Кондаков, Б.В. Мир детей: мифологический аспект самобытия // Известия Уральского государственного университета. – 2010. – №4. – С. 174-187.

¹² В.В. Абраменкова оперирует понятием «детская субкультура», мы используем понятие «субкультура детства» и оцениваем его как синонимичное первому варианту.

¹³ Абраменкова, В.В. Социальная психология детства. – М.: ПЕР СЭ, 2008. – С. 110-111.

трудно не согласиться. В тоже время, очевидно, что его понятийное обозначение нуждается в некотором уточнении. Напомним, обыденный уровень предполагает то, что создано ребенком. В свою очередь, дефиниция «традиционная» подразумевает протяженность во времени, определенную устойчивость.

Коллектив исследователей – Б.В. Горбунов, А.В. Ефимов, Е.А. Ефимова, изучая данный элемент народной культуры на примере Рязанского края, пишет: «Традиционная игровая культура, включающая наряду с собственно играми, игровые формы в общении, труде, познавательной деятельности, составляет неотъемлемую и важнейшую часть огромного комплекса народной культуры, которая определяет в главном своеобразие той или иной этнической общности. Народная игровая культура русского этноса складывалась в ходе многовековой исторической практики в чрезвычайно разнообразных естественно-географических условиях, отразила все стороны народной жизни и с глубокой древности до сегодняшнего дня отвечала насущным потребностям общества»¹. Подчеркивая, что такие игры достаточно долго сохраняют элементы архаичной культуры, ученые обозначают их функции как: обрядово-ритуальную и ритуально-магическую². С течением времени большинство игр потеряло свою значимость для культуры взрослых: изначальная семантика и ее преимущественно сакральное значение стали постепенно отторгаться как отжившее, утратившее свою ценность, чем охотно воспользовались дети. В результате такие игры были переработаны и приспособлены ими в соответствии с их потребностями.

Ж.А. Кацуба предлагает такие «переработки» считать некой третьей группой, но не рассматривать ни тем, что создано ребенком, ни тем, что произведено взрослыми для него³. Однако, нельзя

забывать, что ребенок, перерабатывая, выступает соавтором, происходит акт сотворчества, в результате чего создается новая форма игры. В этом случае введение третьего уровня может оказаться нецелесообразным.

В связи с этим, необходимо уточнить понятие «традиционные народные игры», выделив на его базе: «детские игры на традиционной народной основе» (ДИТНО) (это – переработанные детьми традиционные народные игры) («Жмурки», «Горелки») и непосредственно «детские народные игры» (ДНИ), преимущественно крестьянские, которые создавались самими детьми («Лошадки», «Кот и махотки»).

Игра тесно связана с другим элементом – мифотворчеством. Аналогичную точку зрения высказывают и Т.Д. Попкова и Б.В. Кондаков, считая, что игра сопряжена с мифологическим сознанием⁴. Хотя, в свое время Й. Хёйзинга утверждал: «Существование игры не связано ни с какой-либо ступенью культуры, ни с какой-либо формой мировоззрения»⁵.

С нашей точки зрения, игра, напротив, является выражением мифа, который представляет форму мировоззрения, предшествующую религии и философии. Миф в данном аспекте во многом сопряжен с мифологическим сознанием человечества в целом, для которого на его ранней стадии развития (первобытное общество) был характерен синкретизм – невычленность, единство человека с окружающим миром в силу неразвитости сознания. В субкультуре детства мифотворчество имеет также неосознанный характер. К указанному процессу можно отнести: выстраивание фантазийных миров; конструирование укрытий различного типа (шалаша, домики); сочинение историй, имеющих вымышленную основу; обращение к силам природы

¹ Рязанский этнографический вестник. Т. 14. Традиционные народные игры и забавы Рязанского края / Б.В. Горбунов, А.В. Ефимов, Е.А. Ефимова – Рязань, 1994. – С. 3.

² Там же. – С. 11.

³ Кацуба, Ж.А. Развитие речи детей в Древней Руси // Логопед. – 2010. – №5. – С. 116-117.

⁴ Попкова, Т.Д., Кондаков Б.В. Мир детей: мифологический аспект самобытия // Известия Уральского государственного университета. – 2010. – №4. – С. 184.

⁵ Хёйзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. – СПб.: ИД «Азбука-классика», 2007. – С. 21.

(например, призывание к Земле в некоторых играх защищает игрока от прекращения его участия или пропуска хода (при потери равновесия играющий, прежде чем докоснуться до земли рукой, должен произнести: «Мать-Сыра' Земля, помоги»)). М.С. Каган, кстати, позиционирует игру ребенка именно как синкретически-художественную деятельность¹.

Так, изучению фантазийных миров посвящены работы А.С. Обухова и М.В. Мартыновой², С.М. Лойтер³. «Детская игра в страну, - как пишет С.М. Лойтер, - аккумулировала в себе специфическую функцию мифа – моделирование, имеющее целью создание новой реальности со своей картиной мира»⁴.

Т.Д. Попкова и Б.В. Кондаков указывают, что «мифотворчество взрослых и мифотворчество детей отличаются своей направленностью: для мира взрослых – это способ рационального объяснения мира, для мира детей – это интеллектуально-творческая деятельность, на которую оказывает воздействие культура взрослых»⁵. При этом важной чертой детского мифотворчества они отмечают «способность осуществлять непосредственный переход от мира фантазии к действительности и обратно»⁶.

Исследуя проблему взаимосвязи игры и мифотворчества, интересно и целесообразно учесть практический опыт Л.М. Рахимовой, активно взаимодействующей с детьми. Она констатирует, что современные игрушки,

оснащенные заданной программой, лишают ребенка возможности играть с ними в силу их предсказуемости и отсутствием какой-либо вариативности в движениях, словарном наборе и прочих дополнительных функций. Л.М. Рахимова пишет: «Дети любят придумывать, *делать* игры и игрушки (курсив Л.М. Рахимовой). У них есть и фантазия и воображение»⁷.

В связи с этим возможно предположить, что идея американского архитектора Кимбала Хейлза создать игровые «домики» PLAY MODERN на модульной основе вместо самодельных домиков из коробок и иного подручного материала, а также шалашей различных конструкций⁸, в детском сообществе не будет принята и востребована. Во-первых, в этом случае ребенок лишается права на творчество, на идею, на фантазию. Во-вторых, построение «домиков» - это прерогатива членов субкультуры детства. Создание же взрослыми эрзац-«домиков» может быть расценено детьми как вторжение в их автономное пространство, особый мир, а также как попытка навязать «взрослое» видение мира, понимания сути вещей, их расположения относительно друг друга и функциональной нагрузки.

Близким с актом мифотворчества и сопряженным с ним является словотворчество, которое не целенаправленно само по себе. На его «не самоцельность» и бессознательный характер обращают внимание и В. Кудрявцев и Т. Алиева⁹. «Бессознательность процесса (освоение языка – С.Е.), - также пишет С.Н. Цейтлин, - неразрывно связана с его творческим характером, со способностью каждого ребенка самостоятельно создавать собственную языковую систему»¹⁰. Целенаправленным оно становится, во-первых, тогда, когда трансформируется в

¹ Игра // Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев [и др.]. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 195.

² Обухов А.С., Мартынова, М.В. Фантазийные миры игрового пространства детей мегаполиса: страна К.К.Р. Антона Кротова и его друзей // Российский государственный гуманитарный университет. URL: <http://childcult.rsu.ru/article.html?id=72619>.

³ Лойтер С.М. Детские игровые утопии, или игра в страну-мечту // Российский государственный гуманитарный университет. URL: <http://childcult.rsu.ru/article.html?id=59508>.

⁴ Там же.

⁵ Попкова, Т.Д., Кондаков, Б.В. Мир детей: мифологический аспект самобытия // Известия Уральского государственного университета. – 2010. – №4. – С. 180.

⁶ Там же.

⁷ Рахимова, Л.М. В какие игры играют наши дети // Начальная школа. – 2012. – №1. – С. 47.

⁸ Играть в домики по-современному // Семья и школа. – 2011. – №12. – С. 5.

⁹ Кудрявцев, В., Алиева, Т. Еще раз о природе детской субкультуры // Дошкольное воспитание. – 1997. – № 4. – С. 65.

¹⁰ Цейтлин, С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. – М.: Знак, 2009. – С. 22.

более старшем возрасте в процесс наделения прозвищами других. Н.А. Шкуричева указывает: «Прозвище (в отличие от имени) всегда эмоционально насыщено, несет в себе момент оценки (позитивной, негативной, амбивалентной). Наделение прозвищами служит обособлению и автономизации социальной группы, ее структуризации»¹.

Во-вторых, сознательность процесса выражается в акте создания имени (никнейма) и образа (аватара). Заметим, что придумывание своего виртуального образа в Internet-пространстве – это новый вариант мифотворчества современного ребенка.

В-третьих, специальный характер выражается в разрабатывании вымышленных кодов, языков. Данное явление мы считаем необходимым обозначить понятием «детское арг», которое можно рассматривать как вариативный язык субкультуры детства. Позже оно преобразуется в молодежное арг, имеющее схожие принципы функционирования, генезиса и морфологии.

С процессами словотворчества, игры, мифотворчества связан такой элемент обыденной практики как детский фольклор. Сразу сделаем уточнение: в данном случае – это фольклор, создаваемый непосредственно детским сообществом. Применительно к указанной практике детства мы не рассматриваем материнский фольклор – колыбельные песни, пестушки. Материнский фольклор является важным, первичным средством для выстраивания картины мира. В свою очередь, необходимо помнить, что картина мира представляет собой форму репрезентации синтеза обыденного и специализированного уровня. Не подвергаям мы анализу и фольклор в контексте родильных обрядов, поскольку он имеет особую специфику и сохраняет архаичные черты, будучи принадлежащим к сакральной культуре взрослых в лице некоторых народов, например бурят, по свидетельству Е.К. Шаракшиновой².

¹ Шкуричева, Н.А. Прозвища и клички младших школьников // Начальная школа. – 2013. - №10. - С. 11.

² Шаракшинова, Е.К. Фольклор бурятских родильных обрядов // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства: научные доклады. –

Фольклор, таким образом, является поликомпонентным. Ф.С. Капица и Т.М. Колядич обозначают следующие элементы: скороговорки, каламбуры, считалки, прозвища (В.В. Абраменкова выделяет данный элемент как самостоятельный вне фольклорной принадлежности)³, дразнилки, сечки, молчанки, голосянки, заклички, небылицы, загадки, песни, сказки, страшные истории, а также структурные единицы в рамках игрового фольклора и школьного фольклора⁴. При этом, как пишут В. Кудрявцев и Т. Алиева, каждый образец детского творчества в рамках фольклора вариативен, то есть «ни одно произведение в ней (субкультуре детства – С.Е.) не существует в единичном варианте»⁵. Объяснение данному факту ученые видят в следующем: «В этом проявляется своеобразный демократизм субкультуры детства, открытой к изменению и развитию и приглашающей каждого ребенка стать своим автором»⁶.

Считалки, которые используются для установления очередности и выбора ведущего, выполняют регулирующую функцию в играх. В данном случае мы говорим о нормотворчестве (В.В. Абраменкова использует понятие «детский правовой кодекс»). Т. Алиева выделяет индивидуальное и групповое нормотворчество. «Группа детей, - уточняет Т. Алиева, - гипертрофированно утверждает «данную свыше» норму поведения, а отдельный ребенок преобразует ее и творит новые, более комфортные для него как субъекта социальные нормы для жизни здесь и сейчас, в данном пространстве, в данной детско-взрослой общности»⁷.

В целом детское нормотворчество в

Иркутск, 2004. – С. 36-43.

³ Абраменкова, В.В. Социальная психология детства. – М.: ПЕР СЭ, 2008. – С. 117-120.

⁴ Капица, Ф.С., Колядич Т.М. Русский детский фольклор. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 320 с.

⁵ Кудрявцев, В., Алиева, Т. Еще раз о природе детской субкультуры // Дошкольное воспитание. – 1997. - № 3. – С. 90.

⁶ Там же.

⁷ Алиева, Т. Ребенок в детско-взрослых общностях: реконструкция смысла поведения // Дошкольное воспитание. - 2008. - №10. – С. 31.

определенной степени базируется на принципе талиона. Ввиду обостренного чувства справедливости в детском сообществе, каждый его член считает правомерным наказание преступившего правила в объеме, равном причиненному ущербу, в физическом, материальном и других аспектах. Иначе, можно сказать, что в данном объединении правомерно правило – «око за око, зуб за зуб». То есть, если одному ребенку наступил на ногу другой ребенок, то первый имеет право сделать то же самое по отношению ко второму.

Но данное правило действует только в условиях детского сообщества, - по отношению ко взрослому, причинившему какой-либо вред ребенку, этот принцип не работает: он не может ответить тем же. Такая дисфункциональность механизма во многом определяет специфику элемента обыденной практики субкультуры детства – «детского труда» («детский бизнес»), необходимость в обозначении которого мы считаем важным в условиях современной социокультурной ситуации.

Заметим, что закон талиона является одним из принципов морали – категории, регулирующей общественные отношения.

Таким образом, детское мифотворчество как элемент субкультуры детства, а также как одна из форм мировоззрения, связано и обуславливает существование ряда других компонентов: игра (детские игры на традиционной народной основе (ДИТНО) и детские народные игры (ДНИ)), словотворчество, наделение прозвищами других и создание имени себе, детское аргю, детский фольклор, нормотворчество, детский труд («детский бизнес»).

Обратимся ко второй форме мировоззрения и одновременно элементу обыденного уровня субкультуры детства – религии. Религия, как и миф, основывается на вере в сверхъестественное. Но религия – это форма мировоззрения, воплощенная в институционализированном образовании – институте церкви, устанавливающем определенную совокупность норм, правил, догм по отношению к основам вероучения, культовой практике. В субкультуре детства религиозное сознание может выражаться в

признании существования Бога, как некой высшей ирреальной материи, но имеющей в своем содержательном аспекте много синонимичного с понятиями «волшебство», «чудо» и, в тоже время, обладающей абсолютно земным воплощением. Детская религиозная практика может включать размышления ребенка о жизни и смерти; о том, что может быть после смерти; о справедливости, наказании, добре и зле и других категориях. Кроме того, она выражается в составлении собственных молитв, обращенных к Богу, отдельным святым; в создании образцов декоративно-прикладного творчества на религиозную тему (вышивка, рисунок).

Религия может предложить субкультуре детства и новый принцип морали, новый способ регулирования отношений, противоположный принципу талиона: «Не поступай с другими так, как ты не хотел, чтобы поступали с тобой».

Третьей формой мировоззрения является философия, в рамках субкультуры детства – детское философствование. Философия во многом сопряжена с религией, поскольку и та, и другая, делают объектом исследования ряд категорий, равно значимых для обеих форм мировоззрения. В субкультуре детства философствование может выражаться стремлением понять смысл, целесообразность, специфику различных явлений, феноменов. К этой практике следует отнести вопросы типа «почему», «зачем». Н.А. Горлова подчеркивает, что вопрос «зачем» стал доминирующим и замещающим вопрос «почему». Это обусловлено, по ее мнению, сменой типа сознания – системно-структурного на системно-смысловой¹.

Стоит заметить, что в настоящее время ученые с особой тревогой говорят о том, что в современном мире происходит более радикальная трансформация сознания. Н.П. Ледовских, соглашаясь с позицией В.С. Степина, считает, что системное мышление молодого поколения замещается

¹ Горлова, Н.А. Секреты семейного общения, или Что нужно знать современным родителям о своих детях // Начальная школа плюс до и после. – 2012. - №3. – С. 3-4.

«клиповым мышлением», для которого не характерна четкая логичность рассуждения, аргументированность позиции¹.

Препятствие данной трансформации, возможно, следует расценивать как одно из прерогативных направлений современного образования. В качестве одного из путей решения проблемы имеет смысл рассмотреть исследовательскую деятельность учащихся, привитие навыков к которой должно начинаться как можно раньше.

Так, К.Н. Шемякина при обучении в начальной школе в данном контексте активно использует сказку, составление которой позиционируется как способ выражения гипотезы². Процесс же выдвижения гипотезы, ее доказательство или опровержение, исследовательский характер работы, возможен лишь при системном мышлении, а не «клиповом». Это дает надежду на замедление трансформации первого типа мышления вторым.

Но вернемся к проблеме морфологии субкультуры детства. «Детский юмор» (понятие В.В. Абраменковой) следует связать именно с философией, поскольку смех является катарсисом, очищением, несущим освобождение от страха перед чем-либо / кем-либо.

Детское философствование соотносится с таким компонентом субкультуры детства как «эстетические представления детей» (понятие В.В. Абраменковой), которые находят выражение в изобразительном творчестве, музыкальном, декоративно-прикладном. Данные примеры являются формами репрезентации искусства. «Краткий словарь по эстетике» определяет «искусство» следующим образом: «Искусство – важнейшая эстетическая категория, характеризующая особую форму общественного сознания, а также человеческой деятельности и ее

продуктов»³. Из этого следует, что помимо рассмотренных форм мировоззрения – миф, религия и философствование – можно выделить четвертую форму – искусство. Подчеркнем: все четыре формы мировоззрения, сознания имеют место в субкультуре детства.

Таким образом, обыденный уровень субкультуры детства поликомпонентен. Она является уникальным феноменом в силу присутствия в рамках одного уровня четырех форм мировоззрения – мифа, религии и философии. Мифотворчество как элемент субкультуры детства и форма мировоззрения обуславливает существование и связано с такими компонентами как: игра (детские игры на традиционной народной основе (ДИТНО) и детские народные игры (ДНИ)), словотворчество, наделение прозвищами других и создание имени себе, детское арго, детский фольклор, нормотворчество, детский труд («детский бизнес»). Религия (религиозные представления) является элементом субкультуры детства и второй формой мировоззрения. Философия (детское философствование) как компонент субкультуры детства и третья форма мировоззрения обуславливает существование и связано с такими элементами как: юмор и эстетика. В свою очередь, эстетика включает такую категорию как искусство, которое является компонентом обыденной практики детства, а также четвертой формой мировоззрения. Все четыре формы мировоззрения связаны с такой категорией как мораль.

Из этого следует, что такие элементы как: миф, религия, философия (детское философствование), искусство, мораль имеют место в субкультуре детства, что установлено посредством рассмотрения ее обыденного уровня. Значит, данные компоненты, одновременно являясь элементами горизонтальной структуры культуры в целом (по В.Г. Ерохину), элементы и горизонтальной структуры субкультуры детства.

Проанализируем специализированный

¹ Ледовских, Н.П. «Клиповое мышление»: метаморфозы отечественного образования // Психолого-педагогический поиск. – 2013. - №2. – С. 29.

² Шемякина, К.Н. Составление сказки как способ выражения гипотезы // Начальная школа плюс до и после. – 2012. - №4. – С. 34-37.

³ Искусство // Краткий словарь по эстетике / под ред. М.Ф. Овсянникова. – М.: Просвещение, 1983. – С. 60.

уровень субкультуры детства для того, чтобы показать, что техника и наука являются элементами ее горизонтальной структуры.

Основными формами репрезентации уровня мы считаем инфраструктуру и индустрию.

Обратимся к концепции А.Я. Флиера, который выделяет четыре функциональных блока осуществления человеческой жизнедеятельности: культура социальной организации и регуляции; культура познания и рефлексии мира, человека и межчеловеческих отношений; культура социальной коммуникации, накопления, хранения и трансляции информации; культура физической и психической репродукции, реабилитации и рекреации человека¹. Мы считаем целесообразным использовать данную концепцию для обозначения элементов социальной инфраструктуры соответственно выделенным группам. В свою очередь, индустрия субкультуры детства представляет сферу разработки, производства, продажи товаров и услуг для детей. Необходимо подчеркнуть, что все компоненты, созданные взрослыми, в своей основе базируются на достижениях науки и техники. Так, например, технология производства детского питания, его состав, критерии оценки качества, для определенного возраста ребенка разрабатываются Научно-исследовательским институтом питания РАМН; пошив игрушек осуществляется на фабриках, оснащенных специальным оборудованием, программным обеспечением в соответствии с нормами, ГОСТами, которые являются практическими воплощениями научных и технических достижений.

Следовательно, такие элементы как наука и техника имеют место в субкультуре детства, что установлено посредством рассмотрения ее специализированного уровня. Значит, данные компоненты, одновременно являясь структурными единицами горизонтальной структуры культуры в целом (по В.Г. Ерохину),

элементы и горизонтальной структуры субкультуры детства.

Таким образом, уровневый подход со всей очевидностью позволяет утверждать, что миф, религия, философствование, искусство, мораль являются неотъемлемыми компонентами субкультуры детства, равно как техника и наука.

¹ Флиер, А.Я. Культурология для культурологов. – М.: Екатеринбург: Академический Проект: Деловая книга, 2002. – С. 135-137.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абраменкова, В.В. Социальная психология детства. – М.: ПЕР СЭ, 2008. – 431 с.
2. Алиева, Т. Ребенок в детско-взрослых общностях: реконструкция смысла поведения // Дошкольное воспитание. – 2008. – №10. – С. 28-31.
3. Горлова, Н.А. Секреты семейного общения, или Что нужно знать современным родителям о своих детях // Начальная школа плюс до и после. – 2012. – №3. – С. 3-6.
4. Ерохин, В.Г. Теория культуры. – Рязань: РГПУ, 1996. – 184 с.
5. Зебзеева, В.А. Экологическая субкультура детства // Начальная школа. – 2008. – №6. – С. 49-52.
6. Зебзеева, В.А. Эколого-субкультурные практики детей дошкольного возраста // Начальная школа плюс до и после. – 2011. – №7. – С. 3-7.
7. Иванова, Н.В. О детской субкультуре // Дошкольное воспитание. – 2004. – №4. – С. 34-37.
8. Иванова, Н.В. Особенности и значение детской субкультуры // Педагогика. – 2005. – №7. – С. 31-36.
9. Игра // Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев [и др.]. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 194-195.
10. Играть в домики по-современному // Семья и школа. – 2011. – №12. – С. 5.
11. Искусство // Краткий словарь по эстетике / под ред. М.Ф. Овсянникова. – М.: Просвещение, 1983. – С. 60-61.
12. Капица, Ф.С., Колядич, Т.М. Русский детский фольклор. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 320 с.
13. Кацуба, Ж.А. Развитие речи детей в Древней Руси // Логопед. – 2010. – №5. – С. 116-121.
14. Кудрявцев, В., Алиева Т. Еще раз о природе детской субкультуры // Дошкольное воспитание. – 1997. – № 3. – С. 87-91.
15. Кудрявцев, В., Алиева, Т. Еще раз о природе детской субкультуры // Дошкольное воспитание. – 1997. – № 4. – С. 64-68.
16. Кудрявцев, В.Т., Уразалиева, Г.К. Социальный и психологический смысл явлений детской субкультуры // Журнал прикладной психологии. – 1999. – №1. – С. 64-78.
17. Ледовских, Н.П. «Клипное мышление»: метаморфозы отечественного образования // Психолого-педагогический поиск. – 2013. – №2. – С. 29-36.
18. Лойтер, С.М. Детские игровые утопии, или игра в страну-мечту // Российский государственный гуманитарный университет. URL: <http://childcult.rsuh.ru/article.html?id=59508>.
19. Обухов, А.С., Мартынова, М.В. Фантазийные миры игрового пространства детей мегаполиса: страна К.К.Р. Антона Кротова и его друзей // Российский государственный гуманитарный университет. URL: <http://childcult.rsuh.ru/article.html?id=72619>.
20. Орлова, Э.А. Морфология культуры // Культурология. XX век. Словарь. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 293.
21. Осорина, М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2010. – 368 с.
22. Попкова, Т.Д., Кондаков, Б.В. Мир детей: мифологический аспект самобытия // Известия Уральского государственного университета. – 2010. – №4. – С. 174-187.
23. Рахимова, Л.М. В какие игры играют наши дети // Начальная школа. – 2012. – №1. – С. 45-47.
24. Рязанский этнографический вестник. [Т. 14] : Традиционные народные игры и забавы Рязанского края: этнографические очерки / Б.В. Горбунов, А.В. Ефимов, Е.А. Ефимова; гл. ред. В. Коростылев. – Рязань: Ряз. обл. центр народного творчества, 1994. – 142 с.
25. Сапогова, Е.Е. Культурный социогенез и мир детства. – М.: Академический Проект, 2004. – 496 с.

26. Флиер, А.Я. Культурология для культурологов. – М.; Екатеринбург: Академический Проект: Деловая книга, 2002. – 492 с.
27. Хёйзинга, Й. Homo Ludens. Человек играющий. – СПб.: ИД «Азбука-классика», 2007. – 384 с.
28. Цейтлин, С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. – М.: Знак, 2009. – 592 с.
29. Шаракшинова, Е.К. Фольклор бурятских родильных обрядов // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства: научные доклады. – Иркутск, 2004. – С. 36-43.
30. Шемякина, К.Н. Составление сказки как способ выражения гипотезы // Начальная школа плюс до и после. – 2012. - №4. – С. 34-37.
31. Шкуричева, Н.А. Прозвища и клички младших школьников // Начальная школа. – 2013. - №10. - С. 10-15.
32. Шкуричева, Н.А. Субкультуры в социальном опыте младших школьников // Начальная школа. – 2011. - №7. – С. 18-23.